

Класифікація айконімаўтваральных асноў на лексіка-семантычныя групы наглядна паказвае, што айканімія – гэта не механічны набор выпадковых слоў. Логіка жыцця такая, што чалавек асноўную ўвагу фіксуе на найважнейшых, найбольш тыповых для свайго часу баках жыцця. Аналагічны прынцып дзейнічае і ў сферы назваўтварэння: у найменнях пасяленняў адлюстроўваюцца паняцці, звязаныя з найбольш важнымі, ключавымі сферамі жыцця. Назвы прыродна-геаграфічных аб’ектаў выкарыстоўваліся ў якасці найменняў населеных пунктаў не толькі тады, калі яны ўспрымаліся чалавекам проста як прыродны арыенцір на мясцовасці, але і тады, калі з’яўляліся ўвасабленнем якіх-небудзь канкрэтных адзнак жыццёвай практыкі чалавека.

Татьяна Ратько

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ФОРМИРОВАНИЕМ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ С ДОМИНАНТОЙ *СУЕТА* – *МІТУСНЯ* В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Исследование синонимии в целом и синонимов в частности представляется актуальным на любом этапе развития языка, поскольку именно синонимы являются важнейшей частью постоянно меняющейся лексико-семантической системы. Изучение любого языкового явления будет наиболее объективным, если оно осуществляется параллельно в двух плоскостях – синхронической и диахронической. Особенно значимым такое исследование является для близкородственных языков, имеющих общие генетические источники, таких, как русский и белорусский.

Рассмотрим синонимический ряд с доминантой *суета* в русском языке. Как известно, самым распространенным способом толкования слов является подбор синонимов. Так, в “Словаре древнерусского языка” И. И. Срезневского приводятся следующие слова: *суета*, *тищета*, *ничтожность*, *ложь*, *обман* [1, т. 3, с. 610–611]. При рассмотрении данного ряда слов к синонимам (в строгом смысле этого слова) вряд ли можно отнести лексемы *ложь* и *обман*, так как они обозначают иные понятия, чем *суета*. Значение слова *ложь* – ‘неправда’, в основе семантики слова *суета* – ‘торопливость’, ‘беготня’. Таким образом, лексические единицы *ложь*, *обман* действительно являются синонимами, но образуют самостоятельный синонимический ряд. В “Синониме славеноросской” *суета* не является доминантой самостоятельного ряда, а лишь дается в качестве синонима к словам *дешевость* и *марность* [2, т. 3, с. 610–611].

Близким к современному является толкование данной лексемы в “Словаре Академии Российской”: *суета*. 1. Тщетность, тщета; излишнее прилепление к вещам временным и созидание благоденствия своего на тщетном наслаждении. 2. В просторечии: *забота*, *хлопоты*. Здесь же приводятся возможные словосочетания: *домашние суеты*; *суеты мирские* [3,

ч. 5, стб. 944]. Обратим внимание на грамматические изменения: в современном русском языке слово *суета* употребляется в форме только единственного числа (исключением является фразеологизм *суета сует*). В этом же лексикографическом издании присутствует слово *сумятица*: *неустройство, беспорядок, суматоха* [3, ч. 4, стб. 458].

Современный синонимический ряд в русском языке представлен несколькими другими компонентами: *суета, суетня (разг.), суматоха, сумятица (разг.), Торопливое, беспорядочное движение, беготня, хлопоты* [4, т. 2, с. 519]. Примечательно, что слово *суматоха* включается в еще один самостоятельный синонимический ряд с доминантой *переполох*: *переполох, суматоха, смятение, паника, тарарам (разг.)* [4, т. 2, с. 137].

Говоря о происхождении компонентов синонимического ряда с доминантой *суета* в русском языке, отметим, что он (ряд) в основном состоит из исконно русских слов, слов общеславянского происхождения, а заимствования в данном ряду отмечаются лишь из старославянского языка: слово *беготня* – собственно русское образование. В русском литературном языке укрепилось в XIX веке из диалектов. Образ. с пом. суф. -н / -я / от *бегота*, суффиксального производного от *бег*. Бег. Общеслав. Основа *бег* и. -е. *bheug та же, что и в диал. *бечь* “бежать” [5, т. 1, с. 67, 68]. Лексема *суета* заимств. из старосл. Образ. с пом. -ет(а) от *суи* – “пустой, незначительный, напрасный”, производного с пом. -j от той же основы, что и арм. *sut* – “фальшивый, суетный” греч. *koilos* – пустой, полый [6, с. 431]. *Суматоха*. Собств. русское. По всей вероятности, предст. собой производное на базе сущ. *сумятица*, при замене суф. -иц суффиксом -ох(а), мягкое *м* ассимилировалось твердому *т* [6, с. 432].

В лексическом составе соотносительного ряда белорусского языка в “Слоўніку сінонімаў і блізказначных слоў” М. К. Клышкі имеется более 20 единиц: *мітусня, мітусяніна, мітусенне, сумятня, таўкатня, таўканіна, штурхтаня, штурханіна, валтузня, тлум; беганіна, таўханіна, таўпеханне, кулаверць, мітульга, куламеся, катавася, садом (разм.), галда, гам, тармаса (абл.), пекла, гвалт (перан.)* [7, с. 180]. Приведённый синонимический ряд, как видим, почти полностью состоит из разговорных слов с включением областных, поэтому в данном случае можно говорить лишь о речевых синонимах, допустимых в разговорно-бытовой речи, в тексте художественных произведений (где употребление подобных слов, как правило, обусловлено стилистической необходимостью, например, в речи литературных персонажей), но никак не о синонимах языковой системы. Кроме того, далеко не все компоненты указанного ряда могут быть общеязыковыми синонимами к *суета* в силу семантических различий. Лексические значения данных слов приводятся в “Тлумачальным слоўніку беларускай мовы”: *мітусня*. “1. Хуткі і бесперапынны рух у розных напрамках. 2. Паспешнае, неспакойнае перамяшчэнне з месца на

месца. 3. Бязладнае мільгаценне перад вачыма” [8, т. 3, с. 164]; *сумятня*. “Бязладная беганіна, мітусня, клопаты” [8, т. 5, кн. 1, с. 378]; *таўкатня* (разм.). “1. Хаатычны рух. 2. Хатнія клопаты, мітусня, сумятня” [8, т. 5, кн. 1, с. 483]; *штурхатня* (разм.). “Цісканіна, сумятня” [8, т. 5, кн. 2, с. 405]; *валтузня* (разм.). “Шумны, бязладны рух” [8, т. 1, с. 458]; *тлуд* (разм.). “1. Адурэнне, замарачэнне. 2. Шум, гоман, сумятня” [8, т. 5, кн. 1, с. 491]; *беганіна* “2. Сумятня, неразбярыха” [8, т. 1, с. 355]; *таўханіна* (разм.). “Беспарадкавы рух, штурханіна, цісканіна” [8, т. 5, кн. 1, с. 484]; лексема *таўпеханне* в данном лексикографическом справочнике отсутствует; *кругаверць* (разм.). “1. Пра дрэннае надвор’е. 2. Пра вірлівую ваду” [8, т. 2, с. 733]; *мітульга* (разм.). “Мітусня” [8, т. 3, с. 164]; *куламеса* (разм.). 1. Гразь, змешаная са снегам. 2. *Перан*. “Неразбярыха, беспарадак” [8, т. 2, с. 752]; значение слова *катавасія* – “неразбериха, суматоха”, употребляется в разговорной речи; лексемы *галда*, *гам*, *тармаса* имеют помету “областное”, поэтому нежелательны в словаре литературного языка, но вполне уместны в диалектных словарях; совсем неясно включение в данный ряд слова *пекла*, поскольку его семантика никак не соприкасается со значением *мітусня*. “*Пекла* 1. Месца, дзе чэрпяць пакуты душы грэшнікаў. 2. *Перан*. Месца, дзе адбываюцца небяспечныя, жahlівыя падзеі” [8, т. 4, с. 153]. Слово *гвалт* М. К. Клышкой включается в приведённый синонимический ряд с пометой “переносно”, однако значение этой лексемы – “крик”. Таким образом, большинство компонентов синонимического ряда с доминантой *мітусня* относится к плану речи, а слова *кругаверць*, *куламеса*, *пекла*, *галт*, синонимизирующиеся с доминантой лишь переносно, следует отнести к контекстуальным синонимам.

Рассмотрим происхождение компонентов данного ряда в белорусском языке: слово *беганіна* отсутствует в этимологическом словаре, но это производное от слова *бег* – прасл. *beg-ti* [9, т. 1, с. 340–341].

Валтузня, *валтузіць*. Рус. *Валтажиться*. М. Фасмер связывает с франц. *avancer* “способствовать, увеличивать долю”. Не исключено, что *валтузіць* связано с *ватага*. Возможно, от *валтуза*, которое позволяет ставить вопрос о балтийском влиянии [9, т. 2, с. 44].

Гам. По Шанскому, восточно-слав. слово. *Галда* – голос; *галдаць* – невыразительно говорить. Этимология не очень понятна. Фасмер связывает с польск. *galda* и далее через **galbda* с германскими формами (нем. *gellen* – “толасна гучаць, крычаць”). Окончательной этимологии нет [9, т. 3, с. 38–39, 27].

Гвалт. Заимств. из польск. *gwalt*, *gwaltowac*, а в польском – из нем. *gewalt* [9, с. 74].

Катавасія – беспорядок, шум, гомон и т. д. Сначала слово имело значение “церковное песнопение, которое исполнялось обоими клиросами, которые сходились посередине церкви”. Потом, переносно, его начали

употреблять для обозначения шума, гомона и т. п. Обычно считается заимствованием из древнегреч. “*hymnus ecclesiasticus*” [9, с. 301–302].

Слово *крутаверць* в прямом значении – “плохая погода с метелицей, водоворот (круціць і вярцець). Кроме укр., русск., польск., чеш., словац., в других славянских языках имеет другие значения. Точных соответствий в других и.-е. языках нет [9, с. 301–302].

Куламеса – блытаніна, сумесь, штурхавіна, мітусня. Куламесіцца – баловаться с тестом. Слово *куламеса* – лексема весьма интересного образования: сложения частей исходного глагола (кулити) и праславянского слова. Налицо перенос значения: куламеса-мешанина; даже двойной перенос: куламеса – мешанина – суета [9, т. 5, с. 152–153; т. 7, с. 149–150].

Мітульга – мітусня, мільгаценне. К мітусь. Мітусь – лёжа головами в противоположные стороны, “вальтом”. Древнерусск. митусь, митусь – один напротив другого (XIII ст.), и.-е. соответствия [9, т. 7, с. 51–52].

Таким образом, указанные соотносительные синонимические ряды русского и белорусского языков в основном состоят из слов общеславянского и восточнославянского характера. В русском языке ближайшими по значению являются имена существительные: *бегея*, *суматоха* и заимствование из старославянского языка слово *суета*; в белорусском языке – *валтузня*, *мітусня*, *сумятня*.

Літэратура

1. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 4 т. – М. : Книга, 1989. – Т. 1–4.
2. Старабеларускія лексіконы / уклад. А. А. Яскевіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 174 с.
3. Словарь Академии Российской : в 6 ч. – СПб. : Импер. Акад. наук, 1789–1794. – Ч. 1–6.
4. Словарь синонимов русского литературного языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1970. – Т. 1–2.
5. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963–1982. – Т. 1–2.
6. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. Б. Шанская; под ред. С. Г. Бархударова. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
7. Клышка, М. К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / М. К. Клышка; пад рэд. Л. А. Антанюк. – 2-е выд., выпр. і дапоўн. – Мінск : Выш. шк., 1003. – 445 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : Галюўная рэд. БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1–5.
9. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : у 9 т. / рэд. В. У. Мартынаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978–1993. – Т. 1–8.

Марына Рэзавуцкая, Святлана Мароз

МІЖМОЎНЫЯ АДПАВЕДНІКІ НАЗВАЎ АСОБ ПАВОДЛІ ЗНЕШНІХ І ЎНУТРАНЫХ ЯКАСЦЕЙ І ЎЛАСЦІВАСЦЕЙ

У працэсе перакладу аўтар аперыруе пэўнымі адзінкамі, аналізуе іх з мэтай разумення значэння і знаходжання для іх адпаведнікаў у мове перакладу. Адзінкай перакладу можа лічыцца “мінімальная моўная адзінка тэксту арыгінала, якая перакладаецца як адно цэлае ў тым сэнсе, што ў